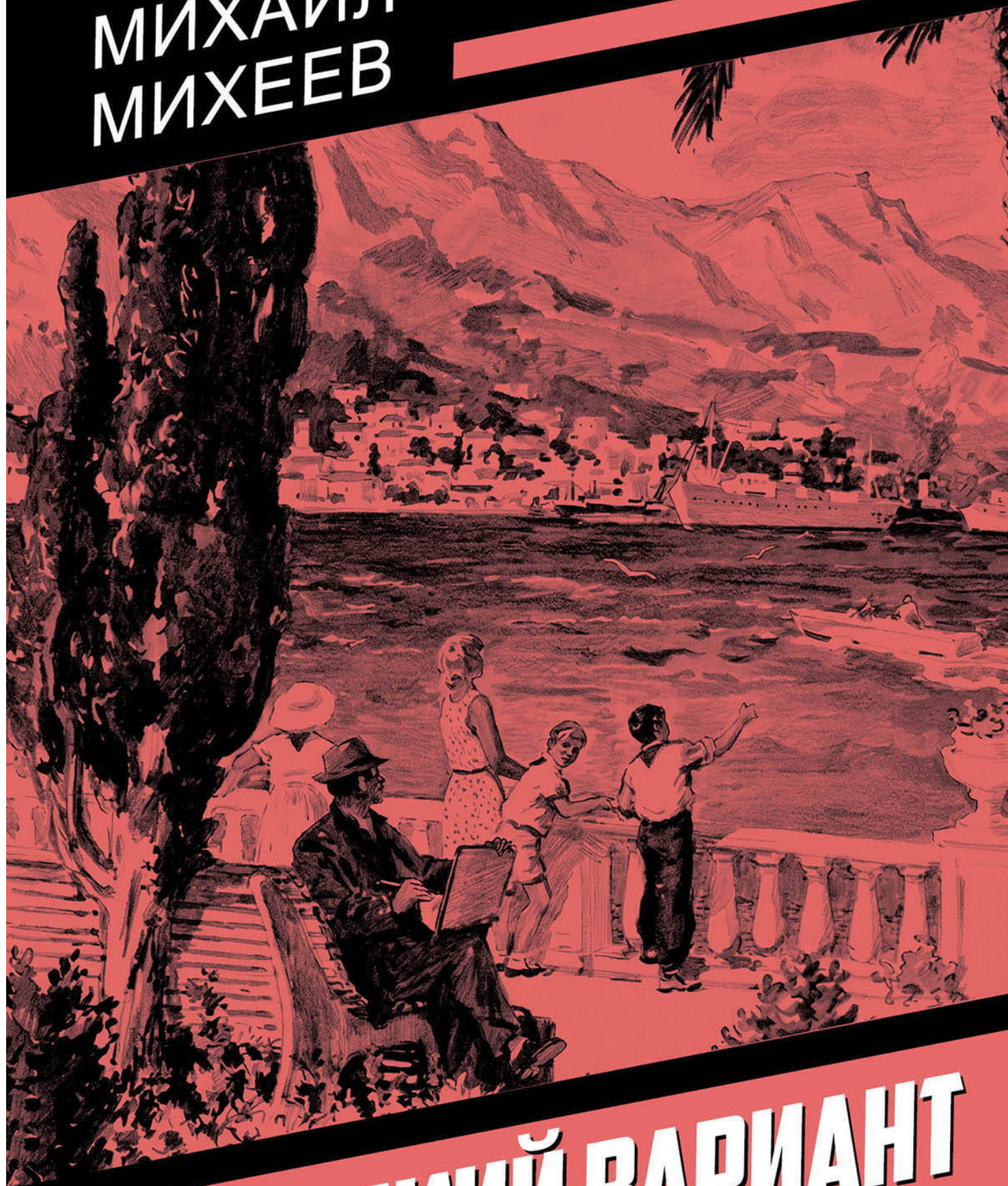

МИХАИЛ
МИХЕЕВ

СОЧИНСКИЙ ВАРИАНТ
ТАЙНЫЙ
ФРОНТ

Тайный фронт

Михаил Михеев

Сочинский вариант

«Алисторус»

2026

УДК 82-312.4
ББК 84стд1-445.7

Михеев М. П.

Сочинский вариант / М. П. Михеев — «Алисторус»,
2026 — (Тайный фронт)

ISBN 978-5-00269-597-3

Михаил Петрович Михеев (1911–1993) – замечательный советский поэт и признанный мастер остросюжетной литературы, корифей советского детектива, шпионского романа и фантастики. В центре внимания писателя – борьба оперативников с экономической преступностью. Это продолжение повести «Запах «Шипра», в которой мы познакомились с Евгенией Грошевой. Информация о наворованных деньгах торговых расхитителей ведёт оперативника Евгению Грошеву в Сочи, в том же направлении скрывается и сбежавший убийца — бывший бухгалтер Торга... Преступник вооружен и изворотлив. Так начинается психологический детектив, написанный рукой мастера. Книга предназначена для любителей ретро-детектива, воссоздающего атмосферу советской жизни и для всех ценителей остросюжетной литературы.

УДК 82-312.4
ББК 84стд1-445.7

ISBN 978-5-00269-597-3

© Михеев М. П., 2026
© Алисторус, 2026

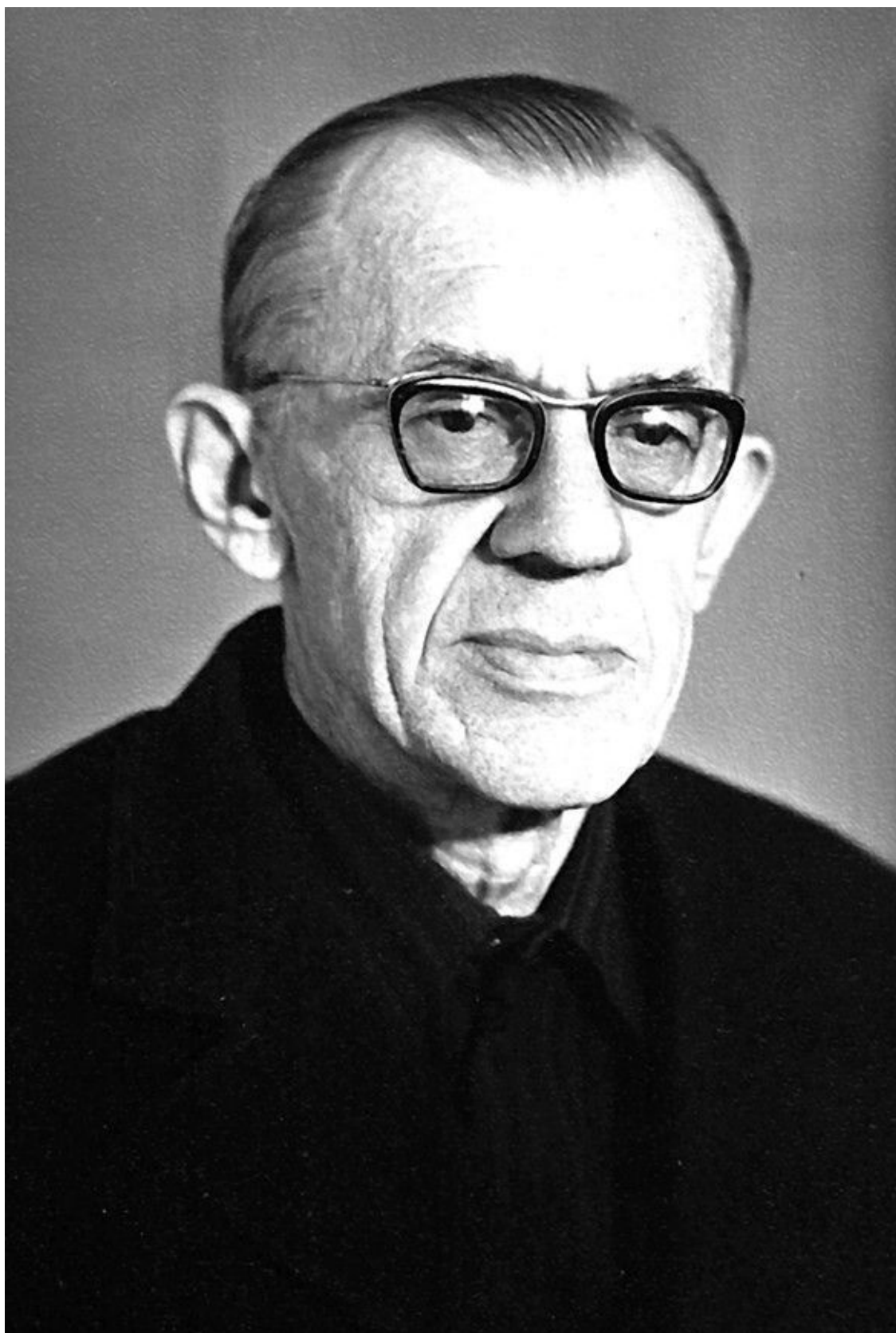
Содержание

Неожиданная встреча	7
1	7
2	9
3	14
4	18
5	21
6	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Михаил Петрович Михеев

Сочинский вариант

© ООО «Издательство Родина», 2026

Михаил Михеев

Неожиданная встреча

1

О том, что Башков – бывший бухгалтер Новосибирского Торга – сумел сбежать из-под стражи еще до начала следствия, я узнала, как только выписалась из больницы.

Хотя могла бы догадаться об этом раньше.

Навещавший меня полковник Приходько привез мне в больницу по моей просьбе – как-никак, я имела самое непосредственное отношение к тому, что вся шайка расхитителей оказалась под следствием, – копии первых следственных документов, но о побеге главного бухгалтера ничего не сказал. Не найдя протоколов допросов Башкова, я подумала, что следователи решили на первых порах допросить второстепенных участников.

Все оказалось не так...

В больнице я пробыла более недели. Невольное купание в осенней воде Обского моря обошлось мне дороже, нежели я могла предполагать: не считала себя неженкой, да и по плаванию имела первый спортивный разряд. Жестокий приступ радикулита несколько дней не давал мне даже подняться с постели.

Полковник Приходько предлагал место в городской больнице Управления, но я попросила оставить меня в Ордынке.

На это были свои причины.

Во-первых, Петр Иванович тоже лежал здесь, только на первом этаже, в кардиологическом отделении. Оставлять его одного не хотелось, а двигаться врачи ему запретили настрого.

Во-вторых, меня – в свою очередь – мог чаще навещать Максим Крылов.

Он заходил каждый день, приносил неизменную бутылочку с облепиховым соком, и все это, вместе взятое, видимо, ускорило мое выздоровление.

Меня выписали, а Петру Ивановичу пришлось еще остаться.

Он храбрился, говорил врачу, что чувствует себя «превосходно!» – его любимое слово – и порывался уехать вместе со мной, но лечащий врач заявил, что, учитывая характер больного, ему будет полезно полежать еще с недельку.

Домой в Новосибирск меня отвез на своем «Запорожце» все тот же Максим.

День был самый осенний, пасмурный и холодный. Деревья и кусты по сторонам шоссе понуро опустили к земле тяжелые ветви с желтыми мокрыми листьями. Максим нарядил меня в свою меховую куртку и такие же сапоги, которые взял у своей сестры. Всю дорогу рассказывал занимательные редакционные истории – подозреваю, он кое-что и присочинял для пушного интереса.

Конечно, он догадывался, что я работаю в милиции, хотя бы по тому, как часто навещал меня полковник Приходько; хотя тот приходил в штатской одежде, Максим знал его в лицо. Однако в больничной карточке я была записана как товаровед – и для всех я так и должна была оставаться товароведом, пока мое начальство не сочтет нужным сделать гласной мою настоящую профессию.

Видимо, Максим это понимал и не проявлял излишнего любопытства.

Город встретил нас мелким дождём, пополам со снегом. На четвёртый этаж в свою квартиру я поднялась не так резво, как раньше. Максим шел позади и, наверное, заметил это, но, зная, как я не люблю ненужного сочувствия, промолчал.

Я оставила его пить кофе.

На кухонном столе уже изрядно запылившаяся – так давно здесь не было хозяев – лежала записка Петра Ивановича: «Уехал с Максимом в Ордынку. Вернусь завтра!». Ниже моя приписка: «Уехала на море. Вернусь завтра!»

Восклицательный знак был поставлен мною ради бравადы... а он чуть не оказался последним восклицательным знаком в моей жизни. И это «завтра» для нас обоих растянулось чуть ли не на полмесяца...

Максим на кухне занял место у стола – там я не запинаясь за его ноги. Я включила чайник, сняла с полки жестяную банку с кофе, и тут какая-то зловредная соринка попала мне в глаз. Она была острая и неудобная, попытка промыть глаз водой ни к чему не привела. Тогда Максим зачистил спичку столовым ножом, усадил меня на стул. Я запрокинула голову, он низко наклонился...

– Вот она! – Максим победоносно поднял спичку.

Я плохо видела сквозь слезы и поверила ему на слово.

– Не мешает? – спросил Максим.

– Не мешает, спасибо... А я ожидала, что вы меня поцелуете... попутно.

Почему мне нравилось смущать его такими бестактными, если не дурацкими фразами, я и сама не знала. Может, это было бессознательное женское кокетство, а может, мне просто нравилось ощущение власти над сильным мужчиной, когда чувствуешь, что он к тебе неравнодушен и твои слова что-то для него значат. Петр Иванович говорил, что каждая женщина старается завоевать мужчину, подчинить его волю своей, а если это ей в конце концов удастся, она часто не знает, куда с таким мужчиной деваться.

Мне вспомнилось вдруг – когда я в больнице спросила Максима, какими способами ему удалось привести меня в чувство, он так же смутился, покраснел и сказал, что ничего, кроме растирания, не пришло ему в голову. Он как бы извинялся за такой недозволенный способ, когда спасал меня, окоченевшую, от возможной смерти.

Вот и сейчас он не стал отшучиваться.

– А вам хотелось, чтобы я вас поцеловал?

Тут мне самой пришлось задуматься.

– Не знаю, Максим.

– Вот и я не знаю. Не уверен, что вы этого желали.

Я тоже без улыбки посмотрела в его темные спокойные глаза:

– Хороший вы человек, Максим. В вас, наверное, часто влюблялись женщины.

– Что-то не замечал.

– Наверное, потому, что вообще мало уделяете им внимания.

Меня тянуло спросить, много ли внимания он уделял своей жене, но ее уже не было в живых, вопрос был явно неуместным... Тут зашипел чайник, и я принялась готовить кофе «по-бразильски», по рецепту Петра Ивановича.

2

Если у вас дома телефон, то большинство новостей приходит к вам вместе с телефонным звонком.

Я сняла трубку.

– Да! Слушаю вас...

До меня доносились только тихие потрескивания с линии. Мне казалось, что я слышу дыхание человека, но трубка молчала. Я невольно вспомнила, как несколько дней тому назад вот так же позвонил Башков, чтобы только узнать, дома я или нет.

Я положила трубку. Телефон зазвонил опять.

Некоторое время я смотрела на него с недоверием. На другом конце провода оказался полковник Приходько.

Он спросил, как я себя чувствую. Я ответила в стиле Петра Ивановича. Тогда полковник попросил разрешения навестить меня дома вместе с Борисом Борисовичем.

Я наспех вытерла пыль, подмела пол. Вытащила из шкафа свой брючный костюм, осмотрела его при дневном освещении. На куртке обнаружились пятна – следы памятной вечеринки у Аллаховой, – я замыла их и загладила утюгом. На вороте свитера, в котором я купалась в Обском море, заметила кровавые следы, но их тоже мне удалось вывести. Одевшись, по частям оглядела себя в нашем зеркале – целиком я в него не входила. И невольно подумала, как давно не надевала свой форменный китель с серебристыми погонами лейтенанта, – говорили, что он мне очень шел. Но китель, вместе с погонами и милицейскими документами, по-прежнему хранился где-то в Управлении.

Прибирая, я не забывала поглядеть через кухонное окно на наш подъезд, ожидая, что мои гости подъедут на машине, – на улице было грязно. Но увидела их на дорожке, которая тянулась к нам от соседнего дома.

Значит, свою машину полковник оставил за углом. Он и Борис Борисович были в штатских пальто и шляпах. Из этого я сделала вывод, что мой начальник не собирается рассекречивать своего сотрудника.

Приходько шел, засунув руки в карманы пальто, сдвинув шляпу на затылок. Невысокий и грузный, он сейчас более чем когда-либо походил на комиссара Мегрэ, каким его изображал артист Тенин, – не хватало только трубки. Это сравнение первым пришло мне в голову.

Его помощник Борис Борисович – я никогда не видела его в форме и не знала, в каком он звании, – шел на полшага сзади за полковником и нес объемистый портфель. Я примерно гадалась, что в портфеле: уже изучила привычки своего начальника.

Пока мои гости поднимались на четвертый этаж, я успела достать и протереть стаканы – бокалов ни у меня, ни у Петра Ивановича не было; стаканы составила на подносик вместе с хрустальной вазой (единственный наш предмет изящной сервировки подарили Петру Ивановичу к какому-то дню рождения). Ваза предназначалась для пирожных, которые тоже должны быть в портфеле – полковник держался стандартных представлений о женских вкусах. Лично я сладости не любила, но не считала нужным сообщать об этом. Правда, на этот раз я приятно ошиблась, вместо пирожных в портфеле оказались груши. И, конечно, бутылка шампанского.

Полковник видел меня в больнице всего день назад, но заметил, что в домашней обстановке я выгляжу куда лучше. Борис Борисович даже поцеловал меня в щеку, – полковник сказал, что занесет это действие в разряд служебных мероприятий.

Я принимала гостей в своей комнате, застелив старенький письменный стол скатертью, которую стащила со стола из комнаты того же Петра Ивановича, свою я так и не удосужилась завести.

Вероятно, шампанское согрелось в машине, да еще взболталось по дороге; когда Борис Борисович освободил пробку, она вылетела со звуком пистолетного выстрела. Я даже вздрогнула от неожиданности, хотя в свое время выстрелов наслушалась предостаточно. Видимо, нервы мои пока еще не пришли в норму.

– Ты, Борис Борисович, поосторожнее с пробками-то, – сказал полковник. – Мой приятель, майор от авиации, вот так же под Новый год открывал бутылку, а пробка и угоди ему в глаз. И что ты думаешь, пришлось заказывать стеклянный.

– Так сразу и стеклянный? – усомнился Борис Борисович.

– Представь себе. Войну прошел. Сколько смертей его миновало, а глаз за столом потерял. И не смешно. Какой там смех, комиссовали его после Нового года. В гражданскую оборону работать перешёл. Вот тебе и пробка!.. Ну, Евгения Сергеевна, доброго вам здоровья!

Груши были на редкость вкусными и сочными пришлось достать бумажные салфетки.

– Отличные груши! – похвалила я. – Неужели из магазина?

– Где там! На рынок с Борисом Борисовичем ездили. Я выбирать не умею, он и покупал. Торговался даже... Ты обратил внимание, Борис Борисович, когда тебе тот черноглазый красавец сдачу отсчитывал, какую папушу денег из кармана вытащил? С подушку добрую. Ох-хо-хо! Не доходят руки у наших снабженцев, чтобы такие груши в магазин привезли.

– Руки у них доходят, – заметил Борис Борисович, – вот груши до нас не доходят.

Полковник Приходько долго и старательно – слишком долго и слишком старательно – вытирал пальцы салфеткой. Борис Борисович уже не улыбался, а как-то выжидающе на него поглядывал. Пауза затянулась, я забеспокоилась.

– Неприятности какие-то?

Полковник скатал салфетку, положил на стол!

– Есть немножко.

– А что случилось?

– Ваш бухгалтер сбежал.

– Как сбежал?

– Очень просто, как обычно бегут. Там же, в Ачинске, где с поезда сняли, там и сбежал. Так уж ему повезло. Сначала нам повезло, что сразу задержали: проводник на него наткнулся. Без билета, без документов – сообщил о нем в милицию. А в милиции уже наш запрос лежал. Словесный портрет. Ну, Башкова к нам и решили отвезти. Дело ночью было. И надо же, пьяный шофер на ЗИЛе в милицейский «газик» врезался. Шофера и конвойного помяло, а вашему бухгалтеру хоть бы что. Когда люди подбежали – его и след простыл. Мало того, он успел у конвойного деньги из кармана вытащить, зарплату тот как раз получил. Да еще его пистолет с собой прихватил.

– Вот пистолет-то ему совсем не нужен.

– Конечно, не нужен. Что, он нас напугать думает? Не видали мы пистолетов. Вот, старый уже, а глупый.

– Давно сбежал?

– Той же ночью, как задержали. Неделю тому назад.

– Мне ничего не сказали.

– Расстраивать вас не хотел попусту... Да вы не огорчайтесь, Евгения Сергеевна, не пропали ваши хлопоты даром. Воровскую «фирму» всю задержали – вам спасибо! И бухгалтера найдем, куда он от нас денется.

– Трудно будет искать.

– Труднее, согласен. Осторожнее станет.

– Почему он в Ачинск побежал, может, у него кто там есть?

– Посмотрели его личное дело, поспрашивали – вроде бы никого нет. Сунулся в первый попавшийся поезд. Борис Борисович его делом занимался, проверял.

Борис Борисович кивнул молча. Как обычно, он сидел тихий, безучастный вроде, но я знала, что он все слышал, и память у него была, как у электронно-счетной машины. Возможно, за эти качества и держал его при себе полковник Приходько.

– С юга он, с Кубани, – сказал Борис Борисович. – На ачинский поезд мог случайно заскочить. Торопился очень.

– Торопился, – согласился полковник. – Даже домой за деньгами не зашел. Понимал, что по его следу уже идут.

– В Новосибирске с пятидесятого года живет, – продолжал Борис Борисович. – И знакомые у него все здешние, местные, знают его.

– На юг ездил частенько.

– А чего было не ездить, – вставил полковник. – Деньги были, холостой, одинокий.

– Ну, не всегда одинокий, – сказала я.

Полковник покосился на меня:

– Само собой – не всегда. Но с женой развелся, говорят, лет десять тому назад.

– Шесть лет, – сказал Борис Борисович.

– Жену его я знаю, – сказала я. – Тоже на юге живет. Она сюда к Петру Иванычу приезжала. Она же бывшая жена Петра Иваныча.

– Скажи-ка! – удивился полковник. – Мало того, что он в государственный карман забраться сумел, он другой рукой еще чужую жену увел. Ну, ловкач! А чего ей с ним не пожилось, не говорила?

– Сказала, что ушла от него сама. По моральным соображениям.

– По моральным?

– Женщины! – пояснил Борис Борисович. – Говорили, что покойная Бессонова его любовницей была.

Тут уж удивилась и я:

– Разве? Ведь у нее жених был.

– Так это еще до того.

Я вспомнила Валюту, и мне не хотелось верить. Такого поворота я не ожидала. Здесь было над чем подумать. Полковник только вздохнул молча, не глядя на меня.

– Деньги! – произнес Борис Борисович. – Приучила девчонку Аллахова к деньгам, приохотила. А денег у Башкова, видимо, было много.

Я и верила, и не верила. Полковник перебил мои размышления:

– Я на него пока гласный розыск не объявил. Тем более, что фотография у нас старая, из личного дела. А там он еще с усами снят.

– Усов у него уже нет, – сказала я.

– Я попросил нашего фотографа его «побрить». Покажи, Борис Борисович, что получилось. Похож?

Я пригляделась к фотографии:

– Весьма приблизительно. Сейчас он совсем не такой. Думаю, трудно будет тому, кто его в глаза не видел, по этой фотографии распознать.

– Трудно, значит? Что ж, другой у нас пока нет. Вот я и не вывешиваю. Пугать Башкова заранее не хочу.

– А он здесь, думаете?

– Если он даже прятаться собрался, паспорт ему новый нужен. А здесь кое-кто из друзей-приятелей еще на свободе, помогут. Хотя бы этот... директор ателье.

– Саввушкин, – подсказал Борис Борисович.

– Вот, этот самый. У него тоже рыльце в пуху.

– Саввушкина не взяли?

– Пока бегают. Нет у нас против него явных улик. Одна накладная липовая и боле ничего. Он пока у нас как свидетель проходит. Если Аллахова молчать будет, мы к Саввушкину не подберемся.

– А она молчит?

– Не то, чтобы совсем молчит, но и ничего серьезного не говорит. Опытная... Так, по мелочам признается. И то, когда носом ткнут. «Ах, я же совсем забыла!» Актриса, куда там. А время идет. Чувствую, что у прокурора продления срока следствия просить придется. А что я могу? Два ревизора днем и ночью сидят, бумажки перебирают. А их там... Да еще уничтожено много... Как в потёмках, ощупью действуем.

– А если не найдете?

– Вы мне этого слова и не говорите. Вот, ей-богу, если бы Башков к нам пришел, да рассказывать начал – мужчина, все-таки, я на мужчин больше надеюсь, я бы на него первый ходатайство написал. Учítывая, мол, добровольное признание...

– А как же Бессонова?

Здесь полковник задумчиво посмотрел на меня.

Я понимала его. Мой начальник мыслил профессионально и заключения свои делал только на основании бесспорных фактов. А фактов, прямо уличающих Башкова в смерти Бессоновой, ни у следователя, ни у полковника Приходько – да и у меня тоже – не было.

Но и разубеждать меня полковник тоже не стал.

Он так же задумчиво постучал пальцами по столу и заключил:

– Нужен нам Башков, очень нужен. Искать будем. За паспортом, за деньгами ли, а в Новосибирске он появится. А деньги у него где-то здесь прячутся. Опять же, сын у него здесь в городе живет...

– Ну, сыночку он свои капиталы не доверит.

– Почему так думаете?

– Видела я его – за деньгами к папочке прибегал.

Полковник Приходько с улыбкой глянул на Бориса Борисовича:

– Ты погляди, какой у нас детектив. Даже и с сыном встречалась.

– Удачливая! – согласился тот.

– Удачливая – это верно. Да, да, вы не обижайтесь, Евгения Сергеевна, не умаляя ваших профессиональных заслуг, – поработали вы хорошо, – скажу: к вам еще и судьба благоволит. Счастливые случайности в нашем деле вот как редки, а вам, скажу, везет. Тьфу-тьфу, конечно!.. Даже там, где, что называется, на рожон лезете – и то сходит... А вот был у нас оперативник, как его...

– Батюшков, – подсказал Борис Борисович.

– Вот, вот – Батюшков! Такой был усердный, такой исполнительный, поищи, не найдешь. А что ему ни поручи – все завалит. Вроде все по правилам делает, по уставу – не придерешься. А получается и не то и не так. Да еще что-либо себе схлопочет, либо железкой по голове, либо на ножик налетит. В угрозыске работал – из госпиталя не вылезал.

– Вроде меня.

– Вроде вас! – возмутился полковник. – Да на вашем месте он утонул бы, обязательно.

– А где он сейчас. Живой?

– Живой. В паспортном отделе работает.

– Да... – протянула я невольно. – Не хотелось бы мне в паспортный отдел.

Полковник Приходько похлопал меня по руке:

– Будет вам, Евгения Сергеевна! Мы еще с вами половим жуликов.

В прихожей, уже надев пальто, полковник вдруг остановился.

– Вооружился, значит. Ах, дурень! А поди, и стрелять не умеет.

– Умеет, – сказал Борис Борисович. – В армии был. Я его личное дело смотрел.

- Ну и что?
- Младший лейтенант. Во время войны находился при штабе дивизии.
- Поди, писарем каким?
- Ранение имеет и медаль «За боевые заслуги».
- Вот как!

Полковник Приходько застегнул пальто, взял шляпу и постоял некоторое время в задумчивости.

– Как его судьба развернула, за тридцать-то лет. В фашистов стрелял, а теперь в нас с тобой стрелять собирается. Нехорошо выходит, Борис Борисович, а?..

Гости ушли.

Я опять переоделась в халат. Унесла на кухню посуду. Пока мыла стаканы, невольно вспомнила свой последний визит к бывшему главному бухгалтеру Торга, когда-то защищавшему на фронте свою Родину, а потом разменявшему совесть на ворованные рубли.

Вспомнила, как он встретил меня, провел в комнату, где на столе в высоком синем бокале белели хризантемы, а в хрустальной граненой вазе оранжево светились апельсины. Он брэнчал на гитаре, поглядывая на меня выразительно. Мы пили коньяк, танцевали даже. Я играла роль, хотя мне совсем не хотелось походить на одну из женщин, которые, как я догадывалась, залетали к нему на одинокий хмельной огонек. Кажется, он почувствовал это, держался со мной вежливо и пристойно; сорвался он всего один раз, но мне не стоило большого труда поставить его на место... Я уже знала, кто он, а вот он еще не догадывался об этом. Мне же нужно было, чтобы он начал меня подозревать; я затеяла рискованную игру, которая чуть не закончилась для меня плохо.

Повезло! – как сказал полковник.

На самом деле повезло...

И все впусую, он на свободе, и никто не знает, где его искать. Надо было ложиться спать, но я чувствовала, что мне не уснуть, и направилась в комнату Петра Иваныча, сбросила тапочки и забралась с ногами в его старое покойное кресло, которое обладало удивительным свойством – в нем я обычно быстро засыпала. На этот раз что-то разладилось или в кресле, или во мне, я долго вертелась, устраивалась так и этак и вроде бы начала уже дремать, как меня разбудил дверной звонок.

Звонок был осторожный, короткий – я вначале подумала, что ослышалась. Звонок не повторялся, но какое-то внутреннее чутье подсказывало мне, что звонок был. Что тот, кто звонил сейчас, стоит за дверью и ждет, когда я открою.

Я накинула на плечи плед, зацепила пальцами ног тапочки и, то и дело теряя их на ходу, полусонная прошлепала в прихожую и зажгла свет.

Не сразу справилась с замком, чертыхнулась про себя и с досадой резко распахнула дверь.

3

Почему-то я не испугалась, даже не удивилась.

Узнала его сразу.

Чуть более недели тому назад он сидел передо мной в лодке, которую сильно качала волна, я глядела ему в лицо, освещенное отдаленными отблесками костра, и пыталась увидеть в его глазах хотя бы следы растерянности или страха, когда я сказала, что именно с ним встретилась той ночью на лестнице, возле квартиры Бессоновой, а ее потом нашли в постели, задохнувшуюся в газовом чаду. Тогда он только рассмеялся мне в лицо. И тут резко качнул лодку и опрокинул ее...

Повторяю, сейчас я не испугалась.

Да и он смотрел на меня без угрозы, мягко и даже как-то просительно, как бы извиняясь за неожиданный поздний визит.

– Здравствуйте, Евгения Сергеевна! – сказал он.

На площадке, этажом ниже, хлопнула дверь. Он глянул вниз, потом поверх моего плеча в прихожую, видимо, желая убедиться, что там никого нет.

– Здравствуйте! – наконец ответила я.

– Мне показалось, что вы меня не узнали.

– Нет, узнала. Просто удивилась.

– Можно мне к вам зайти?

Я ответила не сразу.

Перед моими дверями стоял человек, бежавший из-под стражи, его разыскивает милиция, следовательно, я должна помочь его задержать. Могу тут же захлопнуть дверь, быстро позвонить, пришлют «оперативку», район оцепят, и, вероятно, он не успеет уйти... И тут же решила, что делать этого не нужно.

– Я ненадолго, Евгения Сергеевна.

– А вы не ошиблись? – спросила я. – Вам на самом деле нужно ко мне, а не в милицию?

– Нет, не ошибся. Именно к вам.

В левой руке его были перчатки, правая глубоко опущена в карман пальто. Он опять глянул поверх моего плеча, а я пристально на его правую руку, он перехватил мой взгляд и тут же вынул руку из кармана.

– Тогда проходите, – сказала я.

Он вошел в прихожую, я закрыла за ним дверь.

– Может быть, я не вовремя?

– Нет, в самый раз. Только что вспоминала о вас.

– Вспоминали?

– А что же вы думаете? Слишком дорого обошлось это знакомство.

– Да. Мне – тоже.

– Раздевайтесь!

Он снял мокрую шляпу, аккуратно стряхнул ее в углу, стянул пальто, повесил на вешалку.

Что-то стукнуло о стену. Я догадалась.

– Кроме меня никого в квартире нет. И никого не жду. Ботинки можете не снимать.

– Спасибо.

– Только подождите минутку. Я чуть приберу в комнате.

– Пожалуйста. Вы извините меня...

– Ничего. Я быстро.

Я вошла в комнату, застелила постель. Сняла халат, надела джинсы и свитер. Открыла дверь в прихожую.

Башков стоял, засунув руки в карманы пиджака и поглядывая на дверь. Кто-то громко топал, поднимаясь по лестнице.

– Это не ко мне, – сказала я. – Проходите и устраивайтесь, где вам удобно.

Проходя мимо меня, он придерживал правой кистью карман пиджака, и я поняла, что он переложил туда пистолет из пальто. Присел к столу, положил руки перед собой, крепко переплел пальцы.

Я молчала.

Пауза затянулась. Он отвернулся, уставился на свои переплетенные пальцы и трудно вздохнул:

– Вот... пришел. Извините, что поздно. Гости у вас были, ждал, когда уйдут. Сам полковник Приходько, собственной персоной.

Он взглянул на меня. Я опять не сказала ничего.

– Евгения Сергеевна, вы в милицию позвонить не желаете?

– А вы хотите, чтобы я позвонила?

– Нет, не хочу. В милицию я мог пойти и сам.

– Тогда будем считать, что вы у меня в гостях.

Он похудел за эти дни, черты лица стали резче, грубее. В углах губ прорезались глубокие морщины. Но как и раньше, он был аккуратно подстрижен, чисто побрит, воротник рубашки свеж и поглажен, и галстук завязан правильным узлом.

Вот только «Шипром» от него уже не пахло.

– По грузинскому обычаю, – сказал он, – даже враг, приходя в гости, может рассчитывать на гостеприимство хозяина, так, кажется?

– По-грузински так.

– А у вас?

– И у меня так. Пока вы гость.

– Понимаю.

– А я вот в этом не уверена. Уж коли вы вспомнили про обычай – когда идут в гости, оружие с собой не берут.

Башков повернулся ко мне, прищурился, на щеках его заходили злые желваки. Но я с упрямым спокойствием встретила его недоверчивый взгляд. Башков тут же отвел глаза, плечи его обмякли, он достал из кармана пистолет, подал его мне, но я не протянула руку, тогда он встал, положил пистолет на тумбочку возле кровати и опять вернулся к столу.

– Так зачем же вы ко мне пришли?

Он положил руки на колени, опустил голову.

– Смешно, конечно...

– Да нет, – возразила я, – Мне, например, не смешно.

Тогда он исподлобья быстро взглянул на меня.

– Вам неприятно мое присутствие? Может, вы боитесь меня или еще что, тогда скажите сразу, и я уйду.

– Нет, я вас не боюсь. Я вас просто не понимаю.

– Совсем не понимаете?

– Могу только догадываться, но все это на вас так не похоже. Вы – такой здравомыслящий человек, расчетливый.

– Как же – бухгалтер!

– И вдруг...

– ...веду себя так глупо и нелепо. То собираюсь вас утопить, потом бегу из-под стражи и опять прихожу к вам – к женщине, благодаря которой под эту стражу попал. Да еще рискую, что она позвонит по «ноль-два», и я опять отправляюсь туда же, откуда бежал. Вы это хотите сказать?

- Примерно.
- Да, на бухгалтера не похоже...
- Оправдываться пришли?
- А вы поверите?

Я помедлила:

- Не знаю.

Он опять потупился:

- Ну, поверите там или нет, а уж коли пришел... Утопить-то вас я по-настоящему хотел.
- Поняла уже, что не шутили.

– Не шутил, верно. Не до шуток мне было. Особенно, когда дали вы мне понять, что охотитесь за мной. Как кошка за мышью. И все у вас по форме сходится. Ведь на самом деле заходил я к Бессоновой, только убивать ее у меня и в мыслях не было. А тут вы на меня такую бочку катите, мне и посторониться некуда. Все подозрения на меня, и оправдаться нечем. И такое меня тут зло на вас разобрало. Раздумывать-то некогда было, вот и решил... концы в воду!.. Пьяный был, на трезвую голову такое бы не пришло.

Он замолчал, ожидая каких-то моих слов. Но говорить мне пока было нечего. Я не очень ему верила.

Слишком уж прочно засела во мне убежденность в его вине.

– Поймали вы меня на испуг, – продолжал он. – На запахе «Шипра» и поймали. И здорово у вас получилось, ничего не скажу. Умница вы, Евгения Сергеевна... Ну, да я сейчас не о том говорю...

Он сильно потер лицо ладонью.

– Потом уж сообразил, кто вы и чего ради всю эту охоту на меня затеяли. А ведь когда в лодку сажались и разговор свой завели – понимали, что рискуете. Что опасно со мной вам, женщине, в такие игрушки играть. Но пошли вы на этот риск, и не ради выгоды какой-то, а по убеждениям своим. А даже сквозь всю вашу игру порядочность ваша чувствовалась. Только это я уже потом понял. А когда понял, то, может быть, впервые над своей жизнью задумался. Ведь я на фронте был, воевал. И бухгалтер был, как говорили, – от бога. Не хвастаюсь, сколько раз на Доске почета висел, грамот у меня – папка целая. А тут разок у Аллаховой легких денег хлебнул, и все сразу пошло-поехало. Заторопился жить, радоваться, веселиться. Деньги, все деньги – за деньги и все радости, тряпки, гулянки... С женой развелся – совсем просторно стало. Женщины пошли всякие, чего ж скрывать. Только возле денег какие женщины, так... – он словно отмахнулся от кого-то ладонью. – И вдруг – вы! Поверьте, я не комплименты пришел говорить, в отцы вам гожусь...

Он переплел и крепко сжал пальцы, так что побелели суставы.

– Может, и не поверите, а я всю эту неделю, как сюда приехал, о вас думал. Вроде и не до того мне было – на вокзале ночевал. К сыну идти побаивался – подвести не хотел, он хоть и барахло, а все-таки сын... Сяду на электричку до Черепанова, четыре часа туда – четыре обратно. Сижу, дремлю. А если не дремлю – вас вспоминаю. Как вы у меня в гостях были, кофе пили вместе. Пел я вам что-то, на гитаре брэнчал, а вы слушали. И улыбка у вас была такая... хорошая улыбка. И так мне хотелось еще раз на вас посмотреть. Поговорить. Чтобы вы меня последним подлецом и убийцей не считали. Пойду, думаю. Примет – не примет, а я пойду. А примет, так расскажу все, как есть. Вот и пришел. Раньше бы пришел – в больнице вы лежали. Понимал, что из-за меня, да ничего не поделаешь. Сколько раз туда звонил, узнавал, когда выпишетесь.

Больничные нянечки передавали мне о звонках, я думала, что звонили с работы или из Управления.

- Домой ко мне сегодня тоже вы звонили?
- Тоже я.

– Трубку положили.

– А что мне оставалось делать? Не мог же я сказать, что в гости к вам собираюсь. Вы же думать стали бы, маяться, как вам быть... Вот и пришел просто так, незванный, негаданный... Евгения Сергеевна, у вас стаканчик воды найдется? В горле что-то пересохло.

– Я вам кофе заварю.

– Стоит ли затрудняться.

– Какой труд. Кроме того, я перед вами в долгу. Правда, принять вас, как вы меня принимали, не смогу. Да и не ожидала, признаться.

– А то бы позвонили по «ноль-два»?

Я не ответила на его улыбку.

– Может быть, вы есть хотите?

– Нет, нет, что вы, я сыт. На вокзале буфет работает. Только пить.

Я прошла на кухню, налила в кофейник горячей воды, насыпала кофе. Присела на табуретку.

Неожиданный приход Башкова заставлял меня заново пересмотреть свои удобные – уже ставшие привычными – представления о нем, как о простом жулике и возможном убийце. Его взволнованное признание казалось мне искренним. Я догадывалась, что в темной душе моего бухгалтера сейчас идет жестокая ревизия прожитого, переоценка ценностей, борьба между злом и готовностью ответить перед людьми за это зло. И как бы ни была мала и случайна причина, толкнувшая на такую ревизию, она заставила его совершить необычайный в его положении поступок – прийти ко мне.

Как я должна ответить на такое доверие?

Позволить ему уйти?

Я не имею права так поступить, раз взяла на себя определенные обязательства перед законом.

Я сидела понурившись и думала, что, наверное, я все-таки никудышный работник милиции, если не могу в такой ситуации выбрать для себя точную линию поведения.

Конечно, рано или поздно Башкова возьмут и без меня. Как загнанного хищника, прижмут рогатиной в углу и возьмут. И другой судьбы у него нет... И все же, если у него достало решимости прийти ко мне, можно думать, что ее хватит и на другой, более смелый поступок – прийти самому в милицию.

Явка с повинной...

Кофейник на плите зашипел и зафыркал, как бы возмущаясь тем, что я собираюсь пристроить слишком уж красивый конец к этой нелегкой, непростой и совсем некрасивой истории...

4

Когда я с чашкой кофе и вазочкой с овсяным печеньем вошла в комнату, то увидела, что Башков спит, положив голову на сложенные на столе руки.

Осторожно поставила чашку и вазочку на стол, взглянула на тумбочку. Старенький «Макаров» с протертыми до блеска гранями лежал на месте. Я присела на кровать, она скрипнула. Башков быстро вскинул голову, встревоженно повернулся.

– Пейте кофе, – сказала я.

– Уснул, извините. На вокзале пришлось спать, а там сон, сами понимаете, какой.

Он взял чашку обеими руками, выпил залпом. Вытер губы ладонью.

– Налить вам еще?

– Нет, спасибо большое.

– Как вы узнали, что я в больнице?

– Сказали тут... – уклонился он.

– Поди, Саввушкин?

Он усмехнулся.

– Саввушкин меня пуще чумного боится. Сам висит на ниточке. Да и другие тоже... А я хожу по городу, не прячусь. Будь что будет. В кустах отлеживаться не хочу... И вот странно мне, Евгения Сергеевна, что я на вас не в обиде. Вроде бы ненавидеть должен лютой ненавистью. Всю жизнь мою разрушили. Оставили одну тревогу.

– Избавьтесь от нее.

– Каким же путем?... Самому в милицию прийти – это не по мне. Пусть ищут, пусть берут, такая у них служба, за это им зарплата идет. Когда меня с поезда сняли, я подумал: ладно, все! Смирился. И вдруг судьба подбрасывает шанс. Подумать, шофера и конвойного оглушило, а мне хоть бы что. Вот – повезло.

– И с деньгами повезло.

– Да, хорошо, что напомнили.

Он достал из кармана толстую пачку денег, отсчитал несколько десятирублевых, положил на стол.

– Что это? – не сразу сообразила я.

– А это я у конвоира позаимствовал, попутно. Надо же было как-то домой добираться, вот и взял, заимообразно. Когда вы полковнику Приходько обо мне рассказывать будете – деньги передайте. Пусть их конвоиру вернут.

– В благородство играете?

– Ах, Евгения Сергеевна... Ну, а если и играю, то чуть-чуть всего. Порядочным, конечно, через это я для вас не стану, но и простым карманником выглядеть тоже не хочу. Конвоир – работяга простой. У него, поди, семья, каждая копейка на счету. А у меня пока деньги есть... Деньги... ох уж эти деньги! Поздновато я им цену определил. Поверьте, если бы мог все государству вернуть...

– Всего не вернете.

– Верно, не верну. Потратился.

– Я говорю не про деньги.

Я хотела возобновить разговор о Бессоновой; даже если поверить Башкову, что он в ее смерти не виноват, – здесь я, честно говоря, все еще сомневалась, – то в том, что она, совсем еще молодая девчонка, стала воровкой, есть и его доля вины. Я бы завела беседу об этом, но тут не ко времени звякнул телефонный звонок.

Башков напряженно выпрямился, вопросительно и тревожно взглянул на меня.

– Это телефон, – сказала я. – Чего вы беспокоились, вы же у меня в гостях. Извините, я подойду. Некому вроде бы, двенадцатый час уже.

Я вышла в прихожую, оставив дверь открытой. Так и есть, кто-то звонил в гостиницу, а попал ко мне.

Я вернулась к своему гостю; он уже поднялся со стула.

– Пойду, Евгения Сергеевна. Засиделся.

Он поглядел на пистолет.

– Оставьте его здесь, – сказала я мягко. – Не нужен он вам, поверьте...

Ничего не ответив, он не спеша взял пистолет с тумбочки. Подбросил его на ладони, как бы взвешивая, задумчиво глядя перед собой на темное окно. Потом положил пистолет обратно на тумбочку.

– И то правда. Все карманы им порвал...

Он повернулся ко мне, чинно, одной головой поклонился и вышел. Натянул в прихожей пальто. Долго застегивал пуговицы. Взял шляпу.

– Евгения Сергеевна, как я понимаю, вам нужно будет полковнику позвонить, когда я уйду?

Я промолчала.

– Конечно, нужно... Так разрешите, я сам ему позвоню. Только не отсюда, а вот выйду и с автомата позвоню.

– Зачем это вам?

– Избавлю вас от лишних объяснений. Я обязательно позвоню. Вы мне верите?

– В данном случае – да.

– В данном случае?.. Ну и на том спасибо. И за гостеприимство ваше тоже спасибо. За кофе. Отличный вы варите кофе, Евгения Сергеевна.

Уверенно и сразу открыл замок, распахнул дверь и вышел не оглядываясь. Я слышала его шаги, как он спускался по лестнице, услышала, как хлопнула дверь подъезда. Подумала, что если сейчас сама позвоню в наше железнодорожное отделение, то через какие-то пять минут дежурная «оперативка» будет возле нашего дома... Я пошла на кухню, выключила свет, поглядела в окно и увидела темную фигуру, которая завернула за угол, где стояла будка телефона-автомата.

На черные оконные стекла вместе с капельками дождя ложились белые пухлые снежинки. Какую-то секунду они ярко поблескивали в отраженном свете электрической лампочки, горевшей в передней, потом тут же таяли, а на их место ложились новые, такие же белые и пушистые, и тоже таяли, превращаясь в мутные капельки...

Позвонил полковник Приходько.

– Евгения Сергеевна?... Фу, а я напугался тут, признаться. Дежурный мне передал. Бухгалтер Башков вас навестил?

– Был, товарищ полковник.

– Ну и что?

– Поговорили.

– Он вам не угрожал?

– Что вы, наоборот. Пистолет мне оставил.

Полковник только хмыкнул в ответ, я не разобрала – сердито или весело.

– Я собирался «оперативку» в ваш район послать.

– Поздно, по-моему.

– А почему раньше не позвонили?

Я помедлила чуть:

– Не могла.

Видимо, в моем ответе прозвучало сомнение в необходимости этого звонка, и полковник Приходько уловил его. В трубке что-то затрещало, он подождал, когда утихнет линия.

– Знаете, Евгения Сергеевна, я предполагаю, что у вас новые мысли появились по этому поводу.

– Появились, товарищ полковник. Не совсем, правда, ясные...

– Вот и у меня появились. Полезно нам будет обменяться мыслями-то, как вы думаете? Не по телефону, конечно.

5

Ночью долго не могла уснуть. Утром встала с головной болью. Готовить себе ничего не хотелось, да и есть не хотелось, на кухне все валилось из рук; любимая чашка Петра Ивановича не разбилась только чудом.

Я бродила по квартире, сердито жужжа себе под нос, как осенняя муха.

Максим бы позвонил, что ли!

Но Максим не звонил; и никто не звонил, никому я со всеми своими настроениями не была нужна на всем белом свете. И я занялась тем, чем обычно занимается женщина, когда никого не ждет и самой ей не к кому идти – уборкой квартиры.

Я вытащила из-под кровати старый пылесос. Конечно, он не работал, но это меня уже не могло остановить. Я сняла с него крышку, забралась в его электрическое нутро. Вспоминая школьную физику, а главное, что ток течет по проводникам, я нашла неисправную щетку, и пылесос заработал. Ковров у нас с Петром Ивановичем – слава богу! – не было. Я прочистила пылесосом, где могла, и вымыла там, где могла. И как только сама стала под душ, тут, конечно, и зазвонил телефон.

Мне не хотелось выбираться из ванной, но на телефоне мог быть полковник Приходько. Я замоталась полотенцем и прошлепала в прихожую.

Это оказался Максим.

Он звонил из своей Ордынки, в трубке что-то хрипело и сипело, я слышала Максима плохо и попросила говорить громче, а он сказал, что уже кричит на всю Ордынку, и если я высуну голову в форточку, то услышу его и так. Придерживая локтями сползающее полотенце, – от дверей здорово дуло, – я наконец разобрала, что он только что вернулся из больницы, что Петр Иванович чувствует себя превосходно (иначе он себя никогда не чувствовал!), что беспокоится, как я тут одна, а главный врач обещал выписать его в начале будущей недели.

После разговора с Максимом и после душа у меня восстановилось любопытство к окружающему миру, и я решила навестить Риту Петровну. Кстати, это избавляло меня от возни на кухне, рядом с Главным складом Торга имелась кафе-закусочная.

У соседнего подъезда я увидела знакомое пальто. Остановилась сразу, пригляделась. Нет, ошиблась. Пальто похожее, но его обладателем был не Башков.

Трамвай привез меня в Дзержинский район.

Давно я не была в этом кафе. Все в нем осталось на своих местах, включая столик у окна, из которого проглядывались входные двери Главного склада Торга.

Вот только буфетчица оказалась уже другая. Не прежняя вульгарная баба в мохеровой кофте с золотыми кольцами на руках, а молоденькая девушка, видимо, только что из торгового училища. Обслуживала она посетителей грубо и неприветливо, с видом оскорбленного достоинства, – кстати, таким выражением часто отличаются многие молоденькие официантки и продавщицы. Удивительно, когда они успевают приобрести эти «профессиональные» качества.

Я взяла три беляша. Взяла бы еще, но постеснялась своих соседок по столику, милых девушек, которые взяли всего по два и, оттопырив мизинчики, ели беляши не спеша и аккуратно. Я тоже элегантно вытерла пальцы салфеткой и покинула кафе.

С некоторым волнением переступила порог Главного склада, – как-никак, он оказался для меня сценической площадкой, на которой я играла свою первую роль в уголовной пьесе, где режиссером был полковник Приходько. Здесь клали в свои карманы многие тысячи государственных рублей Аллахова и ее компания, а их дела надежно прикрывал главный бухгалтер Торга.

Сейчас мне любопытно было посмотреть, как тут устроилась добросовестная Рита Петровна.

Перемены я увидела сразу. Пышный, обтянутый красным бархатом «альковный» диван, который когда-то находился в кабинете Аллаховой, стоял в вестибюле.

Рита Петровна встретила меня у двери.

– В окно увидела, что ты идешь.

Она сердечно обняла меня, потом оттолкнула, оглядела критически:

– Похудела! Не кормили тебя там, что ли?.. Ну, да кости целы – остальное нарастет. Все собиралась к тебе приехать, а тут такое закрутилось – спать некогда. К себе не приглашаю, там ревизор с бухгалтером бабки подбивают. Посидим здесь. Смотри, какой диванище я получила в наследство. В кабинете стоял.

– Чего ж выставили, сидели бы на нем сами.

– Да зазорно мне, старухе, с таким диваном-то. Прямо – кровать двуспальная. Да еще красный! Теперь сторожика на нем спит. Присядем пока и мы здесь.

Я рассказала все, что могла рассказать. Про поездку на море в веселой компании Башкова, его сына и приятелей. Про неудачную прогулку на лодке, которая привела меня в ордынскую больницу. Рита Петровна многое уже знала, конечно. Вероятно, ожидала от меня больше подробностей, кое-какие слухи, несомненно, дошли и до нее. Всю правду говорить ей я не могла, а врать не хотелось, – меня выручило случайное обстоятельство, как говорится, появление третьего лица.

За дверями послышался тяжелый топот, дверь с шумом распахнулась и в вестибюль ввалилась, как тяжелый танк, Маша – Маша из Чугунаша – грузчик с восьмого склада Торга, которую Рита Петровна, конечно, забрала с собой и сюда.

Маша обрадованно кинулась меня обнимать, потом с маху плюхнулась рядом на затрепавший диван.

– Тише ты! – сказала Рита Петровна. – Который стул мне ломаешь, а это диван. Вот лошадка, прости господи!.. Иди скажи Федору, чтобы ящики с польским гарнитуром в сарай перенесли, а то дождь намочит. Да с гарнитуром ящики, а не с кафелем, поняла?

– Поняла!

Маша так же стремительно кинулась к дверям, и если бы входящий посетитель вовремя не шарахнулся в сторону, то быть бы ему придавленному к косяку.

Я его узнала, хотя видела всего второй раз.

Маленький, кругленький, он походил на смазанный маслом колобок, который и от дедушки ушел, и от бабушки ушел... Саввушкин – директор пошивочного ателье – тоже снабжался материалом с Главного склада Торга. Я встретила с ним на вечере у Аллаховой, он был давним ее знакомым и, – как считал полковник Приходько, – более чем вероятно, причастен к ее делам. Но пока Аллахова молчала, улики против него не было.

– Рита Петровна, голубушка! – закричал он еще от дверей. – Здравствуйте! Вот прибежал, все накладные привез.

– Неужели? – усомнилась Рита Петровна.

– Точно, все до единой. Сам с бухгалтером отбирал, даже ему не доверил. Вот они тут, в папочке.

– Пойдемте, коли так, – поднялась Рита Петровна. – Как раз бухгалтер с ревизором у меня сидят. Покажете, что нашли, авось обрадуют. Ты меня извини! – повернулась она ко мне.

И тут Саввушкин увидел меня.

– Вот так-так! Евгения Сергеевна!

Он стремительно кинулся ко мне, – я невольно отклонилась к спинке дивана.

– Знакомы? – неприятно удивилась Рита Петровна.

– А как же, как же! – говорил Саввушкин. – Встречались, встречались. Здоровье-то ваше как? Мне тут рассказывали, надо подумать, какое несчастье.

– Так я пойду, – повернулась я к Рите Петровне.

– Куда пойдете? – закричал Саввушкин. – Отвезу.

– А может быть...

– И не думайте, Евгения Сергеевна. У меня же машина здесь. Я скоро. Вот только накладные ревизорам передам. Подождите меня, обязательно.

Рите Петровне заметно не понравилось мое знакомство с Саввушкиным. Однако она сказала:

– Ты заходи. Место твое я так за тобой и держу.

Я не собиралась всю жизнь работать товароведом, но и не знала, какую и когда еще работу найдет мне полковник Приходько. Если опять по «торговой» части, то должность товароведа Главного склада может оказаться удобным прикрытием.

Поэтому я ответила, что выйду на работу, как только меня выпишут врачи.

Саввушкин задерживался в кабинете. Уже пожалев, что дала согласие его дожидаться, я встала, поправила спинку у дивана, которую сдвинула Маша, и заметила торчащий из-под спинки уголок розовой бумажки. Будь это любой другой диван, я бы не стала приглядываться к нему и не обратила бы на такой пустяк внимания. Но диван стоял в кабинете у Аллаховой, на нем сидели ее клиенты, и не было такой мелочи, относившейся к Аллаховой, которая не могла бы меня заинтересовать.

Я чуть приподняла спинку и вытащила заинтересовавший меня листок.

Это оказался билет на самолет.

Старый использованный билет Сочи-Новосибирск. От апреля сего года – значит, полугодовой давности. Фамилия на билете: «Щуркин В. В...» ничего мне не говорила. Я знала многие фамилии, многих людей из орбиты Аллаховой, но среди них не было Щуркина В. В. Я вложила билет в записную книжку и сунула ее в карман.

Из кабинета выскочил Саввушкин.

– Извините, Евгения Сергеевна, заставил ждать. Ревизоры, сами понимаете. Что да почему – ну их к богу! В каждом человеке жулика видят. Нет для них ни честных, ни праведных.

С истинно гусарской церемонностью он пропустил меня в дверях. Мы вышли на улицу. Я увидела стоящий у подъезда красный «Москвич» и пожалела, что не уехала на трамвае. Что бы мне выглянуть на улицу минутой раньше...

Красный «Москвич» был мне знаком. И молодого человека за рулем я тоже знала – это был сын моего вчерашнего гостя – Виталий или Владимир, я что-то уже и забыла. И женщину в рыжем парике, сидящую рядом с ним, знала тоже – его, Виталия или Владимира, жена с французским именем Жаклин. Словом, это были люди из той самой компании, с которой я ездила недавно на море.

Сын Башкова, увидя меня, удивился вполне натурально:

– Вот так встреча! Не ожидал...

Жаклин только посмотрела в мою сторону, тут же отвернулась и не сказала ничего.

Если Башков, побывав у сына, даже ничего не рассказал про меня, а, судя по его визиту ко мне, так могло быть – то у сообразительного Саввушкина хватило ума связать воедино детали моего появления в их компании и все последующие события и сделать из этого какие-то выводы. Я поняла, почему он так просил меня остаться. Рассчитывает в разговоре со мной убедиться в своих подозрениях. Если Башкову-сыну и его жене крушение старшего Башкова несло только материальные убытки, лишало в будущем денежных подачек и подарков, то Саввушкину грозили более серьезные неприятности.

Но делать было нечего, я забралась на заднее сиденье, мы поехали, а я приготовилась к расспросам.

Разумеется, они тут же последовали. Лицом своим Саввушкин владел мастерски, и в его маленьких глазках было выражение самого искреннего сочувствия.

– Как же вам так не повезло, – начал он. – Георгий Ефимович – рыбак опытный и вдруг, на тебе – перевернулись?

– Ветер был, волны захлестнули лодку.

– Да, ветер был... Холодно было. Простудились, говорят?

– Простудилась.

– Надо же.

Мне надоели хождения вокруг да около, я пошла ему навстречу:

– А как Георгий Ефимович после купания, здоров?

Я постаралась, чтобы вопрос мой прозвучал вполне натурально. Жаклин только дернула молча рыжей головой, но промолчала. Саввушкин если и догадался о моей игре, то вида не подал.

– Разве вы ничего не знаете?

– Что именно?

– Георгий Ефимович после плавания, того... исчез.

Взглядом Саввушкин готов был просверлить меня насквозь.

– Как исчез? Утонул, что ли?

– Нет, сбежал. Милиция его разыскивает.

– Милиция? А в чем дело?..

На какое-то мгновение выдержка изменила Саввушкину, злые искорки сверкнули в его глазах, но тут же угасли. Рассеять его подозрений я, конечно, не могла, но и воевать со мной открыто он не собирался.

– Подумать только, – продолжал он, – сколько несчастий произошло, как вы появились у нас. Исчезает Георгий Ефимович. Арестовывают Светлану Павловну. Непонятно!.. Отличный работник, отмечена премией Торга, на Доске почета висит... Вам не кажется это странным?

Саввушкину очень хотелось бы узнать, нужно ему бояться меня или нет. На самом деле я только товаровед, или...

Я пожала плечами:

– Думаю, скоро все выяснится.

Тут Жаклин резко повернулась и спросила грубо и зло:

– Что выяснится?

Она не скрывала своей неприязни ко мне и хотела сказать, наверное, что-то оскорбительное в мой адрес, но Саввушкин положил ей руку на плечо, и она тут же утихла. Нетрудно было догадаться, что он не первый раз выступает здесь в роли советника и с его мнением привыкли считаться.

– Переживает! – объяснил он мне почти ласково. – Георгий Ефимович был для нее вместо отца.

Переживания Жаклин были мне вполне понятны. Я не сказала больше ни слова. Возле Дома офицеров выбралась из машины. Простился со мной только Саввушкин. Башков-сын тронул машину прежде, чем я успела закрыть дверку.

Тут же какой-то высокий парень в коричневой вельветовой паре, не обратив на меня внимания, обернулся к «Москвичу», пригляделся и, шагнув навстречу, поднял руку. Машина остановилась у обочины. Жаклин высунулась в окно, приветливо помахала вельветовому парню, приглашая сесть в машину. Он открыл заднюю дверку. Я заметила массивное золотое кольцо с камнем на его левой руке.

Меня не интересовали знакомые Жаклин. Но я невольно обратила внимание, как блеснул в лучах осеннего солнца камень на кольце, блеснул ярко, будто внутри его вспыхнула лампочка...

6

В шестнадцать ноль-ноль я была уже у «дома под часами». Вошла в подъезд, начала подниматься по лестнице. Давно не приходила сюда, на нашу «явочную квартиру». Какой-то мужчина вошел следом, я замедлила шаги, он тоже. Тогда я остановилась на площадке, пропустила его вперед. Он внимательно присмотрелся ко мне, я забеспокоилась. Это мог быть просто любопытствующий, любитель «случайных встреч», а мог быть..., в моем положении все могло быть.

Я подождала, когда он пройдет, когда затихнут его шаги на лестнице, и только тогда вышла на свой этаж и позвонила у знакомых дверей.

Как всегда, мне открыл Борис Борисович.

Как всегда, он вначале глянул поверх моего плеча в коридор, потом улыбнулся и закрыл за мной дверь.

Борис Борисович тоже соблюдал правила игры, предложенной полковником Приходько. Поначалу все это казалось мне несерьезным, взрослые дяди и тети играют в сыщики-разбойники. Но сейчас, садясь за стол и чувствуя, как у меня побаливает спина, и поправляя волосы, чтобы прикрыть свежий шрамик на виске, я уже так не думала.

Это была далеко не детская игра...

Ожидая полковника, я разговорилась с Борисом Борисовичем.

– Который раз с вами встречаюсь, сколько вашего чаю перепила, шампанского даже, а все не знаю, в каком вы чине-звании.

– Какое там звание, так себе – капитан в отставке. Когда полковник еще в уголовном розыске работал, я был у него оперативником. Неудачно провел задержание, получил пулю в легкое. Застряла – где-то возле позвоночника.

– Так и не достали?

– Врачи решили не рисковать. Пусть, говорят, полежит. Не мешает пока, и ладно. Мешать будет – тогда достанем. Вот так с пулей и живу. Но из оперативников пришлось уйти. А когда полковник в ОБХСС перешел, то опять меня к себе пригласил. Наши жулики – народ спокойный. Поймают его за руку – он сразу лапки кверху: «виноват, прошу учесть добровольные показания!» Это ваш бухгалтер исключение, можно сказать. Так ведь он не простой вор.

– Не простой, – согласилась я.

– Вот и заведу этой квартирой, – продолжал Борис Борисович. – Встречаемся кое-когда, кое с кем.

– Неужели специально для ОБХСС такую квартиру завели?

– Что вы, конечно, нет. Следователю нашему, холостому, эту квартиру выделили. А он на курсы уехал. На специализацию. Вот мы ее пока и заняли. Командированные наши изредка здесь ночуют. Соседи здесь самые что ни на есть подходящие – старички-пенсионеры. Удобная квартира.

– Да. Башков от такой, думаю, не отказался бы...

– Полковник рассказывал, Башков у вас успел побывать?

– Навестил.

– А потом полковнику позвонил.

– Было такое.

– Полковник вначале разгорячился, хотел две «оперативки» в ваш район послать. Не послал, раздумал.

Я достала из сумочки «Макарова», положила на стол.

– Подарок мне оставил.

– Вот фокусник!

Борис Борисович взял пистолет, оттянул затвор, заглянул в ствол, нет ли там патрона, потом сообразил, что, конечно, я это уже сделала, не понесла бы я в сумочке пистолет, поставленный на боевой взвод.

– Извините! – улыбнулся он. – По привычке.

– Ничего. Я понимаю.

– Полковник будет доволен. Не то, чтобы он пистолетов боялся, но все же не любит свою молодежь на вооруженных преступников посылать. А вот и он сам! – услышали мы звонок.

Борис Борисович открыл дверь и прошел на кухню готовить чай, до которого полковник Приходько был большой охотник.

Полковник тяжело опустился на стул, вздохнул и тут увидел лежавший на столе пистолет. Посмотрел на него задумчиво. Повернулся ко мне.

– Все же занятный вы человек, Евгения Сергеевна. С вами, как говорят, не соскучишься. Ей-богу, с той поры, как вы у нас работаете, никогда еще мне так весело не было. Да-да, если я шучу, так самую малость: только я собираюсь объявить на бежавшего всесоюзный розыск, как он заявляется к моему инспектору. Приходит прямо на дом. Разоружается даже. А вдобавок, звонит мне по телефону и говорит, что встреча прошла в теплой и дружеской обстановке. Каково мне такое слышать? Вроде бы всякое в моей практике случалось, а такого, признаюсь, не было.

– В моей практике тоже не было, – вставила я.

– Еще не обещал заглянуть?

– Нет, ничего не сказал.

Полковник шутил, но мне было совсем не смешно.

Борис Борисович внес подносик с чайником и чашками и вазочку с пирожными, специально для меня, к которым я уже начала привыкать.

Полковник, как обычно, слушал мой рассказ, не перебивая и не переспрашивая, только поглядывал на меня поверх стакана.

– Все понятно, Евгения Сергеевна! – сказал он. – Вы знаете, я всегда с удовольствием вас слушаю. Как будто вы мне кинофильм рассказываете, серьезно... Тут недавно по телевизору я одну историю смотрел, на школьную тему. Про учительницу, которая понимала своих учеников, а они за это ее только на руках не носили. Милая такая учительница, на вас походит внешностью. Вы не смущайтесь, Евгения Сергеевна. Как, Борис Борисович, симпатичный у нас инспектор?

Я уже успела привыкнуть не только к пирожным, но и к таким шутливым рассуждениям своего начальника. Но полковник Приходько никогда не шутил просто так, подоплека его шуток всегда была серьезной.

– Вы хотите сказать, что в школе я была бы более на месте и могла бы работать лучше, нежели сейчас в должности инспектора?

– А вот этого я и не говорил. Вы отлично знаете, как я отношусь к вам, как к нашему работнику, и поэтому не напрашивайтесь на комплимент. Я не об этом. Как-бы здесь точнее выразиться... Там, в школе, вся ваша внешность и ваша порядочность работали бы по прямому направлению, вызывая у ребят ответные чувства. А в милиции, по моей милости, вам придется вести себя так, как вы никогда бы себя не вели, работая, скажем, в той же школе. И вы понимаете, что здесь не театр, здесь жизнь, и люди – пусть даже недостойные – принимают вас за того, кого вы изображаете. И только так и должны принимать, иначе вы будете плохой работник, и наша служба не для вас. Так вот, было все это когда-либо предметом ваших размышлений, сомнений, угрызений совести даже? Мне интересно знать, что думает мой инспектор о своей работе.

Если бы полковник Приходько задал такой вопрос в начале моей работы, я, возможно, и затруднилась бы с ответом. Но сейчас, когда я уже прошла «школу» в воровской шайке Аллаховой, когда разглядела, что там были за люди и сколько зла они успели посеять вокруг себя...

– Конечно, попав к вам, я не ожидала, что мне сразу же придется вспомнить свою работу в студенческом театре. Труднее было привыкнуть к тому, что здесь уже не театр, что все гораздо серьезнее, что вместо разбавленного чая, изображающего коньяк, приходится пить коньяк настоящий; знать, что тут все делается набело, без черновиков. Но я понимаю, что мое «неблаговидное» поведение все же работает на будущее человеческое счастье... хотя, может быть, это и звучит сентиментально.

– Совсем нет, – сказал полковник. – Нормально звучит.

– Ваша учительница делает все для того, чтобы в будущем порядочных людей было больше, – закончила я свою мысль. – Я помогаю ей с другого конца, – стараюсь, чтобы в будущем плохих людей стало меньше. Меньше зла – меньше заразы. И тогда труды школьной учительницы не пропадут даром, как это еще часто бывает сейчас.

Я замолчала – мне стало даже неловко за столь длинный монолог.

Но полковник Приходько кивнул одобрительно:

– Значит, не жалеете, что со мной связались?

– Не жалею.

– Вот и я не жалею. Ну, обменялись любезностями, а теперь вы мне скажите: Башков приходил к вам оправдываться?

– Вроде того.

– Поверили?

Я замешкалась с ответом. Уловив это, полковник продолжал:

– Я к чему говорю – биографией его поинтересовался. Башков в армию пришел младшим лейтенантом, работал при штабе дивизии. Попадал в окружение, участвовал в боях, получил боевую награду. Тут он сорвался, за пьянство был разжалован в рядовые, но в боях под Курском опять отличился, был восстановлен в прежней должности и звании. Как видите, может быть и таким, и этаким. И бухгалтер был отличный – пока с Аллаховой не связался. В уме ему не откажешь. Какую бы вы там легкую бабочку у него ни играли, а он за вашей игрой порядочность вашу рассмотрел. Аллахова – та не рассмотрела, а он рассмотрел. И потянулся к вам. А как догадался, кто вы, вот тут опять сорвался. Импульсивный он человек, да и подумать ему времени не было. С ходу решил... Это он уже потом задумался, тогда и к вам пришел.

Я удивилась, как точно проследил логику поведения Башкова полковник Приходько, – он сказал то же, в чем признался мне Башков недавно.

– Это хорошо, – продолжал полковник, – что вы на него зла в душе не держите: оно в нашем деле советчик плохой. Про Бессонову что-либо говорил?

– Сказал, что у него и в мыслях не было ее убивать.

– В мыслях не было?... Вот и следователь уголовного розыска тоже ничего определенного сказать пока не может.

Полковник посмотрел на пистолет, лежавший на столе, даже потрогал его.

– Нет, надо же!

И вдруг без всякого перехода спросил:

– Так как же нам с вашим бухгалтером быть, Евгения Сергеевна? Вас я понимаю, иначе вести себя вы и не могли. А что делать нам, милиции? Мне – начальнику отдела?

– Думаю, что вы тоже поступите так, как подсказывают вам сегодняшние обстоятельства.

Полковник откинулся на стуле и посмотрел на меня весело:

– Нет, ты погляди, Борис Борисович, какая хитрая. Ты слышишь, про обстоятельства-то? А обстоятельства таковы, что Башков – человек крепкий, опытный, концы в своей бухгалтерии

прятал надежно и догадывается, конечно, что пока мы против него улик никаких еще не нашли. И рассказывать нам ничего не будет. Как и Аллахова. Так вы думаете, Евгения Сергеевна?

– Примерно так.

– Вот и появится у нас еще один молчун на казенных хлебах. Толку-то нам от него. Но Евгения Сергеевна питает надежду, что побегаёт, побегаёт ее бухгалтер, да и поумнеет, в конце концов. Пришел же к ней, может быть, и к нам придет. Сам придет. Вот тогда дело Аллаховой мы сразу и до конца распутаем. А пока Башков не поумнел, трогать, мол, его не нужно. Ты понимаешь, Борис Борисович, на что толкает нас с тобой наш оперативник?

– Как не понять, – улыбнулся, как обычно, Борис Борисович.

– Я про кое-какие обстоятельства тоже подумал. Поэтому и «оперативку» не послал. Подполковник Орлов мне говорит: «Что же, выходит, он так и будет вокруг нас бегать? Брать его надо, паразита. Посидит в КПЗ и поумнеет». Орлов у нас человек решительный, он всю эту, по его выражению, «мерехлюндию» не любит. «А если, говорит, бухгалтер куда сбежит, тогда что?» А если сбежит, отвечаю, сам искать буду, тебя не позову... То, что Башков пистолет отдал, – уже хорошо. Но, вот что к нам придет – сомневаюсь, и очень. А в то же время торопиться брать его, думаю, пока не нужно. Следствию, как я понимаю, он плохой помощник. Пусть погуляет. Фотографию его я транспортникам передал, на всякий случай. Может, на свободе он нам полезнее окажется, чем в КПЗ. Денег-то мы у Аллаховой так и не нашли. Конечно, я не думаю, что Башков нам денежки на тарелочке с голубой каемочкой принесет...

Тут я вспомнила про деньги, положила на стол:

– Просил передать. То, что он у конвойного взял.

– Вот тебе еще неожиданность... Мог ведь не отдавать. Однако – вернул. Конвойный все еще в больнице лежит, помяло его сильно, деньги ему, конечно, пригодятся. Возьми, Борис Борисович. Адрес узнаешь – перешлешь. Если бы нам Аллахова свои денежки принесла... Не принесет, где там. А есть у нее они. Не могла она такую прорву деньжищ истратить. Лежат у кого-то до поры.

Я вытащила записную книжку, достала авиационный билет. Я не забывала о нем, просто разговор пока шел не о том. Пока я разворачивала билет, полковник следил за моими действиями с веселым любопытством.

– Смотри, Борис Борисович, Евгения Сергеевна нам еще какого-то кота из мешка вытаскивает.

– Билет авиационный, всего-навсего.

Я рассказала, где его нашла.

– А больше у вас там ничего нет? – поинтересовался полковник. – Скажем, ключика от квартиры, где у Аллаховой деньги лежат? Жаль, а то я уже было подумал... Что ж, билет так билет. Щуркину В. В.

– Совершенно верно, – подтвердил Борис Борисович, – Владислав Витальевич Щуркин. Это же первый муж Аллаховой.

Полковник уставился на него:

– А почему она – Аллахова?

– Когда разошлись, она снова на свою девичью фамилию перешла. Не без умысла, наверное. А муж у нее в Сочи уехал. Он тоже по торговой части работал. И дочь их сейчас с ним живет.

– А почему не с матерью?

– У Аллаховой новый муж – молодой. А дочь – студентка уже, взрослая. Аллахова как замуж за своего спортсмена вышла, так дочь к бывшему мужу отправила.

– Понятно... – протянул полковник. – Подальше от греха. А откуда ты все это знаешь?

– Поинтересовался, когда дело на нее завели.

– Может, ты знаешь, зачем этот Владислав Витальевич полгода тому назад к Аллаховой приезжал?

– Вот этого не знаю, – усмехнулся Борис Борисович.

– Конечно... Хотя вопросик-то, сам понимаешь... мог же бывший муж к своей жене заглянуть.

Полковник повертел в руках билет, даже посмотрел на его обратную сторону, как бы надеясь там отыскать какие-то дополнительные сведения о бывшем муже Аллаховой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.